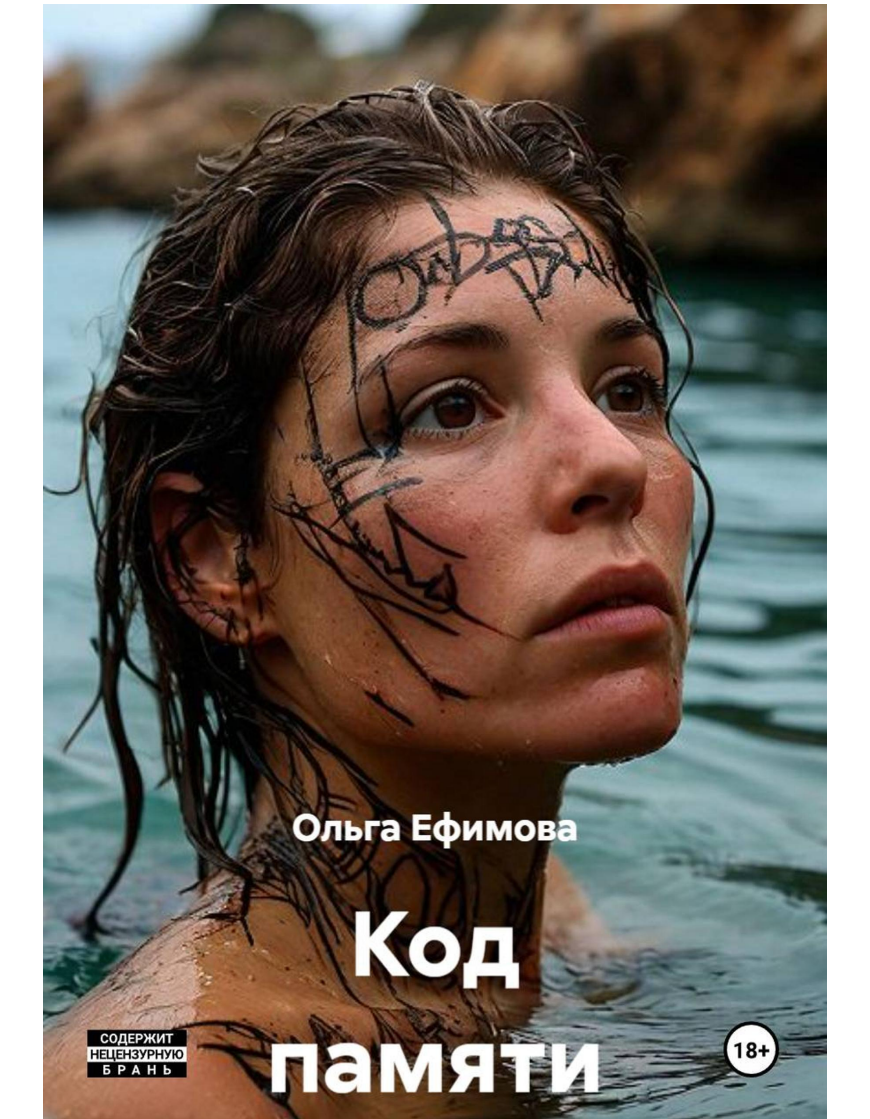

Ольга Ефимова

Код памяти

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Ефимова

Код памяти

<https://litres.ru/74342887>

SelfPub; 2026

Аннотация

Побережье Коста-Бравы. Женщина просыпается в холодной воде с пустой головой и единственной уликой — странным символом на шее. Она не помнит, как оказалась здесь, кто она и кому нужна её смерть. Но внутри неё, в самом центре сознания, записан код — и кто-то готов убить всех, чтобы его получить.

Она думала, что она — жертва. На самом деле она — ключ к самому громкому делу о торговле детьми за последние двадцать лет. И единственный способ выжить — вспомнить, кем она была на самом деле.

Содержание

Глава 1. Прилив	4
ГЛАВА 2. УЗЕЛ	16
ГЛАВА 3. КЛЮЧ	25
ГЛАВА 4. ЛАБИРИНТ	35
ГЛАВА 5. СТАЖЁР	43
ГЛАВА 6. ПРАВДА ИЛИ ЛОЖЬ	53
ГЛАВА 7. ДОРОГА К МАЯКУ	60
ГЛАВА 8. КРОВЬ НА ПЕСКЕ	68
ГЛАВА 9. СДЕЛКА С ДЬЯВОЛОМ	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Ольга Ефимова

Код памяти

Глава 1. Прилив

4:47 утра. Побережье Коста-Бравы.

Она пришла в себя от холода.

Лёд проник в лёгкие раньше, чем воздух. Вода сомкнулась над головой, и она захлебнулась — солёная, горькая, обжигающая гортань. Рвотный рефлекс вырвал из груди кашель, хриплый и мокрый, и она вынырнула, хватая ртом воздух, который казался ей огнём.

Мир качался. Звёзды на небе дрожали и расплывались, как масляные пятна на воде. Она лежала на спине, в мелкой луже, которую оставлял отступающий прилив, и волны накатывали на её ноги, снова и снова, будто проверяя, жива ли она. Камни под спиной были острыми, они впивались в лопатки, в позвоночник, и она чувствовала каждую неровность, каждую ракушку, которая врезалась в её кожу.

Она не знала, сколько времени прошло. Может быть, минуты. Может быть, часы. Она просто лежала, глядя в небо, и ждала, когда дрожь прекратится. Но дрожь не прекращалась — она становилась сильнее, сотрясала всё тело, выбивала зубы, заставляла пальцы судорожно сжиматься и разжиматься.

Она попыталась сесть. Тело не слушалось — мышцы превратились в вату, и каждое движение отдавалось тупой болью где-то глубоко внутри. Она оперлась на руки и застыла, глядя на свои запястья. Кожа была синей, с багровыми разводами — следы ушибов, которые покрывали предплечья, будто её кто-то хватал, сжимал, тащил. Ногти были сломаны, под ними застыла грязь и запёкшаяся кровь. И на левом запястье — крошечное красное пятно, похожее на укус комара. Она поднесла руку к лицу, чтобы разглядеть лучше, и поняла: это след от иглы. Кто-то делал ей укол. Или она сама себе.

Воспоминания не приходили. В голове было пусто — не темнота, а вакуум, в котором не было ни звуков, ни образов. Только этот холод, эта боль и влажный, тяжёлый воздух. Она закрыла глаза и попыталась вспомнить хоть что-то. Своё имя. Свой возраст. Свой дом. Но вместо этого из ниоткуда пришла вспышка:

Женский крик. Пронзительный, как звук сломанной струны. И следом — звон разбитого стекла, такой резкий, что он врезался в виски. Кто-то падает. Или что-то разбивается. Темнота.

Она открыла глаза. Сердце колотилось где-то в горле, и она чувствовала, как адреналин разгоняет кровь, заставляя её тело двигаться, несмотря на боль и холод. Она не знала, что произошло. Но она знала, что должна встать. Должна уйти отсюда. Пока кто-то не нашёл её.

Она перевернулась на живот и начала ползти. Камни резали ладони, но она не останавливалась. Она ползла к берегу, туда, где песок сменял гальку, а гальку — жёсткая, колючая трава. Она выползла на сушу и упала лицом вниз, чувствуя, как земля принимает её, как будто она была частью этого берега, этого леса, этой ночи.

Кто я?

Вопрос ударил в грудь, как молот. Она не знала ответа. Она даже не знала, как её зовут. Единственное, что осталось — это чувство, что она должна бежать. Что кто-то гонится за ней. Или хуже — что кто-то ждёт её.

Она подняла голову и увидела вдали тёмные силуэты скал. Где-то там, на горизонте, маячил слабый огонь — возможно, рыбацкая лодка. Или дом. Или ловушка. Она не знала. Но она знала, что должна двигаться.

Она встала, пошатываясь, и побрела вперёд, в темноту.

5:30 утра. Скалы.

Она шла вдоль берега, прижимаясь к скалам, чтобы ветер не сбивал её с ног. Одежда промокла насквозь и прилипла к телу, как вторая кожа, и каждый шаг отдавался болью в израненных ступнях. Она не помнила, когда потеряла обувь, но теперь её ноги были босыми, и острые камни впивались в подошвы, оставляя кровавые следы.

Где-то впереди, в предрассветной мгле, она заметила огонёк — настоящий, жёлтый, тёплый. Не маяк, а небольшой костёр на берегу. И рядом с ним — силуэт человека.

Она остановилась. Страх парализовал её на мгновение: кто это? Друг? Или тот, кто ищет её? Но холод и усталость взяли верх. Она подошла ближе, стараясь ступать бесшумно, но гравий хрустел под ногами, и человек обернулся.

Он был старым, лет семидесяти, с обветренным лицом, которое походило на кору старого дуба. Седая щетина покрывала его щёки, а глаза — бледно-голубые, выцветшие от соли и ветра — смотрели на неё без страха, только с усталым любопытством. Он сидел на перевёрнутом ящике, рядом с ним лежали сети, и в руках он держал кружку с чем-то горячим.

— *Madre de Dios*, — сказал он по-испански, но голос его был тихим, почти сочувствующим. — *Ты выглядишь так, будто тебя выплюнуло море.*

Она не ответила. Она не могла говорить — горло пересохло, и язык прилип к нёбу. Она просто стояла, трясаясь всем телом, и смотрела на него, пытаясь понять, опасен ли он.

Старик покачал головой, встал и подошёл к ней. Он протянул ей кружку с горячим кофе — она взяла её дрожащими пальцами, и тепло разлилось по ладоням, возвращая ощущение жизни.

— *Пей, — сказал он. — *Ты замёрзнешь до смерти. И садись.*

Она опустилась на песок рядом с костром и сделала глоток. Кофе был горьким, крепким, с примесью соли — как всё здесь, на этом берегу. Но он согревал, и дрожь начала

понемногу стихать.

— *Ты не помнишь, как здесь оказалась?* — спросил старик, возвращаясь на своё место.

Она покачала головой. Он кивнул, как будто ожидал этого ответа.

— *Меня зовут Хосе. Я рыбак. Живу здесь уже сорок лет. И я видел таких, как ты, раньше. Не часто, но бывает. Море — оно забирает память. Или люди забирают.*

Он достал из кармана рваной куртки флягу и протянул ей.
— *Это не вода. Но это согреет лучше.*

Она сделала глоток — крепкий, обжигающий алкоголь, который обжёг горло и разлился теплом по груди. Она почувствовала, как немного успокаивается, и голос вернулся к ней — хриплый, чужой.

— *Где я?* — спросила она.

— *Берег Коста-Бравы. В десяти километрах от Паламоса. Здесь часто находят тела, — сказал Хосе просто, без страха или осуждения. — *Контрабандисты сбрасывают их в море. Тех, кто не заплатил. Или тех, кто знает слишком много.* Он помолчал, глядя на неё. — *Ты не похожа на мёртвую. Но ты похожа на ту, за кем охотятся. Не ходи в полицию, если не хочешь исчезнуть. Полиция здесь не поможет.*

Она смотрела на него, и в груди разрастался холодный страх. Она не знала, кому верить — ему или своим инстинктам. Но инстинкты подсказывали ей, что он говорит правду.

Он снял с себя старую куртку — серую, потрёпанную, с

дырами на локтях — и протянул ей.

— *Возьми. Она грязная, но сухая. И она убережёт тебя от ветра.*

Она надела куртку, и она оказалась ей велика, но тёплая, и в ней пахло морем и табаком. Она засунула руки в карманы, чтобы согреть их, и наткнулась на что-то твёрдое и холодное.

Ключи. Старые, металлические, с номерком, на котором было выгравировано: «*Вокзал Барселона-Сантс, камера хранения № 47*».

Она вытащила их и показала Хосе. Он нахмурился, разглядывая ключи.

— *Я не знаю, откуда они в моей куртке, — сказал он медленно. — *Я ношу её уже пять лет. Но эти ключи... они не мои. Кто-то подложил их, когда я не видел. Вчера, может быть.*

Она сжала ключи в руке и почувствовала, как внутри неё просыпается маленькая искорка надежды. Камера хранения. Барселона. Там может быть ответ.

— *Как мне добраться до Барселоны?* — спросила она.

— *На автобусе из Паламоса. Но сначала тебе нужно поесть и отдохнуть, — сказал Хосе. — *Иди по берегу на восток, через полчаса увидишь придорожный бар — «Эль-Фаро». Хозяин — Маноло. Скажи ему, что Хосе прислал. Он не задаёт лишних вопросов.*

Она кивнула, встала и посмотрела на восток, где небо начинало светлеть. Первые лучи солнца пробивались из-за го-

ризонта, окрашивая облака в розовый и золотой.

— *Спасибо, Хосе,* — сказала она.

Он улыбнулся, и улыбка его была грустной.

— *Будь осторожна, дочь. И помни: не все, кто тебя спасает, хотят тебе добра. Но я — хочу.*

Она пошла вдоль берега, чувствуя на спине его взгляд. В кармане куртки лежали ключи, и они казались ей единственным, что связывало её с прошлым.

7:15 утра. Бар «Эль-Фаро».

Она увидела его через полчаса — старое одноэтажное здание с облупившейся белой штукатуркой и вывеской, на которой почти стёрлись буквы. Над входом горела тусклая неоновая лампа, а из распахнутой двери доносились запахи жареного лука и кофе.

Она вошла внутрь, и тишина ударила по ушам. Внутри было почти пусто — только двое мужчин в углу играли в карты и не обращали на неё внимания. За стойкой стоял хозяин — мужчина лет шестидесяти, с густыми седыми волосами и глубокими морщинами на лице. Он опирался на трость, и его левая рука была покрыта старой, неровной кожей, похожей на расплавленный воск. Ожоги. Старые, но всё ещё заметные.

Он посмотрел на неё — без удивления, без сочувствия — и коротко кивнул.

— **Хосе звонил,* — сказал он глухим, низким голосом. — *Сказал, что ты придёшь. Садись. Я принесу тебе поесть.*

Она хотела сказать, что у неё нет денег, но он уже скрылся за стойкой. Она села за свободный столик у окна и положила руки на колени, чувствуя, как тело дрожит от усталости и напряжения. Куртка Хосе всё ещё была на ней, и она сжимала в кармане ключи, как талисман.

Через несколько минут Маноло принёс ей тарелку с яичницей, хлеб и стакан воды. Он поставил всё перед ней и сказал:

— *Ешь. Потом поспишь. Задняя комната свободна.*

Она хотела спросить его, почему он помогает ей, но слова застряли в горле. Он просто кивнул, как будто прочитал её мысли, и сказал:

— *Я был таким, как ты. Тридцать лет назад. Меня выбросило на берег, и я не помнил, кто я. Маноло спас меня. И я стал Маноло. Теперь моя очередь.*

Она кивнула, не задавая вопросов. Она слишком устала, чтобы задавать вопросы.

Она съела всё, что он принёс, почти не чувствуя вкуса, и он проводил её в маленькую комнату с койкой, старым шкафом и занавеской на окне. Она легла, не снимая куртки, и закрыла глаза.

Сон пришёл почти сразу — тяжёлый, без сновидений. Но где-то в глубине сознания, на грани между явью и забытьём, она слышала голоса.

Они доносились из-за двери. Маноло говорил по телефону. Она слышала его слова обрывками:

— Она здесь. Да, жива. Чип работает. Жди инструкций.

Она хотела проснуться, хотела понять, что это значит, но тело было слишком тяжёлым, и сон утянул её вниз, в чёрную яму, где не было ни голосов, ни страха.

Только холод. И крик женщины, разбивающий стекло.

8:30 утра. Бар «Эль-Фаро».

Она проснулась от света. Солнечные лучи пробивались через щель в занавеске, падая на пол, и пыль танцевала в них, как золотые искры. Несколько мгновений она не понимала, где находится. Потом память вернулась — обрывками: холодная вода, Хосе, ключи, голос Маноло, говорящего по телефону.

Она села на койке, и голова закружилась. Она провела рукой по лицу и остановилась на шее. Кожа под пальцами была шершавой, неровной — и она поняла, что это не просто царапина. Это татуировка.

Она встала, подошла к старому зеркалу, висевшему на стене, и посмотрела на себя.

На неё смотрела незнакомка — бледная, с тёмными кругами под глазами, с длинными спутанными волосами, которые казались серыми от грязи и соли. Но не это привлекло её внимание. На шее, чуть ниже ключицы, были выведены чёткие, ровные цифры: **41° 30′ N, 2° 10′ E**.

Координаты. Она не знала, что они означают, но каким-то образом эти цифры казались ей знакомыми. Они пульсировали под кожей, как второй пульс, и она провела пальцами

по ним, чувствуя, как поднимается паника.

Кто я? Зачем я это сделала?

Дверь открылась, и вошёл Манолю. В руках он нёс поднос с завтраком — свежий хлеб, сыр, ещё один кофе. Он поставил поднос на столик и посмотрел на неё.

— *Ты выглядишь лучше, чем вчера,* — сказал он. — *Ешь. Потом мы поговорим.*

Она хотела спросить его о татуировке, о голосе по телефону, но он уже вышел из комнаты. Она села за стол и взяла хлеб, но не могла, есть — в горле стоял ком.

Когда она вышла в основной зал, Манолю стоял у стойки и смотрел телевизор, который висел под потолком. Шёл утренний выпуск новостей. Диктор говорил что-то о коррупции, о политике, но потом картинка сменилась, и на экране появилось лицо женщины.

Эльза замерла.

Женщина была красивой — лет сорока, с острыми чертами лица и тёмными глазами, которые смотрели с экрана с той же смесью страха и вызова, которую она чувствовала внутри себя. Подпись под фотографией гласила: *«Елена Дуран, прокурор Барселоны. Пропала без вести. Подозревается в убийстве своего коллеги, адвоката Мартинеса.»*

Диктор продолжал: *«Прокуратура ведёт расследование. Елена Дуран объявлена в розыск. Последний раз её видели на побережье Коста-Бравы. Если у вас есть информация, пожалуйста, сообщите в полицию.»*

Эльза смотрела на лицо на экране, и в голове её что-то щёлкнуло. Крик. Женский крик и звук бьющегося стекла. Та самая вспышка, которая пришла к ней на берегу.

Это была она. Прокурор Елена Дуран. Или... она сама?

Она почувствовала, как мир начинает вращаться. Тарелка выпала из её рук и разбилась на мелкие осколки. Она смотрела на них, не видя, и слышала только гул в ушах.

Маноло выключил телевизор и повернулся к ней. Его лицо было спокойным, но в глазах застыло что-то холодное.

— *Не бойся, — сказал он медленно. — *Это не ты. Ты не Елена Дуран. Ты — та, кого ищут убить. И я знаю, кто это сделал.*

Она хотела спросить его, откуда он знает, но в этот момент в окно влетел камень. Он ударил в стекло и упал на пол, оставив трещину на оконном стекле. К камню была привязана записка.

Эльза подошла и дрожащими руками развернула бумагу. На ней было написано корявым, торопливым почерком:

«Он лжёт. Беги. Они знают, где ты».

Она подняла глаза на Маноло. Он стоял неподвижно, глядя на неё с ледяным спокойствием, и в руке его блеснул нож.

Она смотрела на него, сжимая записку в руке, и сердце её колотилось где-то в горле. Она не знала, кому верить — человеку, который дал ей кров и еду, или таинственному предупреждению, которое прилетело в окно.

Маноло сделал шаг вперёд, и она попятилась, врезавшись

спиной в стену.

— Ты не понимаешь, — сказал он тихо. — Я хочу тебя спасти. Но у нас мало времени.

Он посмотрел на разбитое стекло, и в глазах его мелькнула тень.

— Они уже здесь.

ГЛАВА 2. УЗЕЛ

8:42 утра. Бар «Эль-Фаро» — скалы.

Она не думала. Она просто бежала.

Задняя дверь бара выходила в узкий переулок, заставленный ржавыми бочками и старыми ящиками. Эльза влетела в него, сбивая плечом, пустую пластиковую тару, и слышала за спиной глухой удар — Маноло выбил дверь ногой и выскочил следом. Но она уже не смотрела назад. Она вцепилась в край деревянного забора, перемахнула через него, не чувствуя, как доски впиваются в ладони, и побежала в сторону скал.

Солнце только начинало подниматься, но воздух уже был горячим и липким. Она бежала по тропинке, которая вилась между кустами дикого шиповника, и колючки рвали её одежду, царапали лицо, оставляя на коже тонкие кровавые нити. За спиной раздавались шаги — тяжёлые, ритмичные, неумолимые. Они приближались.

Эльза не оборачивалась. Она знала, что если обернётся, то упадёт. Или остановится. Или увидит что-то, что парализует её окончательно. Она просто бежала, вперёд, к морю, которое шумело внизу, к скалам, которые выросли перед ней, как каменные стены.

Тропинка оборвалась. Она стояла на краю обрыва, и внизу, в десяти метрах, пенилось море. Сердце колотилось в гор-

ле, лёгкие горели, но шаги за спиной становились всё громче.

Она бросилась вниз — не в воду, а по крутому склону, цепляясь за выступы, за корни деревьев, за всё, что могло удержать её от падения. Камни осыпались под её ногами, и она покатилась вниз, ударяясь плечом о скалу, разбивая колени об острые кромки. Боль была ослепительной, но она не остановилась. Она скатилась на узкую каменистую полосу, где волны лизали берег, и нырнула в расселину между скалами.

Пещера была маленькой, влажной, с низким сводом, покрытым сталактитами. Свет сюда почти не проникал — только слабый отблеск от воды, которая плескалась у входа. Она забилась в угол, сжалась в комок, зажав рот ладонью, чтобы заглушить дыхание.

Шаги остановились где-то наверху. Она слышала голоса — приглушённые, но отчётливые:

— *Она не могла далеко уйти. Следы обрываются у обрыва.*

— *Она прыгнула?*

— *Нет. Крови нет. Ищите вход в пещеру.*

Эльза закрыла глаза. Она чувствовала, как сердце колотится о рёбра, как пот стекает по спине. Она боялась дышать.

Голоса стихли. Шаги удалились. Она ждала, считая удары пульса: один, два, десять, пятьдесят. Тишина. Только шум прибоя и капли воды, падающие с потолка.

Она открыла глаза и медленно выдохнула.

Пещера была неглубокой, но в задней её части темнел узкий проход, ведущий куда-то вглубь скалы. Она не знала, что там, но оставаться здесь было нельзя. Она поднялась, чувствуя, как колени ноют от боли, и побрела в темноту.

Проход расширился в небольшую камеру, где на сухом песке лежал старый рюкзак. Она подошла к нему и опустилась на колени. Рюкзак был поношенным, с потёртыми лямками, но внутри него что-то было.

Она расстегнула молнию и вытащила содержимое. Паспорт.

Красная обложка, испанский паспорт. Она открыла его дрожащими пальцами и увидела фотографию. Своё лицо. Свои глаза, смотрящие с фотографии с той же смесью страха и вызова. Но имя было другим: *Алисия Видаль, 1985 года рождения, место рождения — Мадрид.*

Она перевернула страницы. Штампы. Въезд в Португалию — три месяца назад. Выезд во Францию — два месяца назад. Въезд в Марокко — месяц назад. Выезд из Марокко — две недели назад. И последний штамп — въезд в Испанию, неделя назад.

Она не помнила этих поездок. Ни одной. Но паспорт был настоящим — она чувствовала это, ощущая гладкую бумагу, запах типографской краски, следы использования на уголках страниц.

Алисия Видаль. Она повторила имя про себя, но оно не

отзывалось в груди. Оно было чужим, как куртка Хосе, как этот рюкзак, как вся эта жизнь, которая не принадлежала ей.

Она засунула паспорт обратно и нащупала на дне рюкзака что-то твёрдое, прямоугольное. Диктофон.

Старый, чёрный, с потёртыми кнопками. Она нажала на кнопку воспроизведения, и механизм зажужжал, прокручивая плёнку. Раздался шипящий звук, а потом голос — её голос:

— *Запись номер семь. Если ты слушаешь это, значит, я уже стерла себе память.*

Эльза замерла. Голос был её — она узнала тембр, интонацию, даже лёгкую хрипотцу. Но в нём была сталь, которой она не чувствовала в себе сейчас.

— *Меня зовут не Алисия. Меня зовут Эльза Гарсия. Я была оперативником в подразделении «Черная Волна». Мы не ищем преступников. Мы их создаём. Я спрятала ключ в...*

Запись оборвалась. Раздался глухой звук — выстрел. И крик. Её крик.

Диктофон выпал из рук и ударился о песок. Эльза сидела на коленях, глядя в одну точку, и пыталась осмыслить услышанное. Её зовут Эльза Гарсия. Она была оперативником. «Черная Волна» — та самая организация, о которой говорил Хосе. И она что-то спрятала. Ключ.

Она закрыла глаза, пытаясь вспомнить. Но в голове была только боль.

9:30 утра. Пещера.

Боль накатила внезапно, как приливная волна. Она ударила в висок, и Эльза вскрикнула, схватившись за голову. Казалось, кто-то вгоняет раскалённую иглу прямо в мозг. Она упала на песок, сжимая виски, и почувствовала, как что-то текло, липкое стекает по губам.

Кровь. Из носа.

Она не видела этого, но чувствовала вкус железа на языке, ощущала, как тёплые капли падают на песок, оставляя тёмные пятна.

И в тот же миг — вспышка.

Она лежит на операционном столе. Яркий свет бьёт в глаза, ослепляя, и она не может прикрыть лицо — руки привязаны ремнями. Где-то над ней человек в белом халате, с маской, скрывающей лицо. Он что-то говорит, и голос его глухой, как из-под воды:

— Память заблокирована на восемьдесят семь процентов. Отключаем эмоциональный контур. Это необходимо для протокола.

Она пытается крикнуть, сказать ему, чтобы он остановился, но рот заклеен пластырем. Она слышит только жужжание аппаратуры, монотонное, как пчелиный рой. И чувствует, как в вену входит игла — та самая, след от которой она видела на своём запястье.

Свет меркнет. Темнота. И снова — холод.

Видение исчезло, оставив после себя только боль и слабость. Эльза лежала на песке, вся дрожа, и смотрела в пото-

лок пещеры. Она не знала, что это было — реальность или галлюцинация. Но она знала: с ней что-то сделали. С ней что-то сделали *специально*.

Она поднялась, пошатываясь, и вытерла кровь с лица. Диктофон лежал на песке, и она подобрала его, сжав в руке. Паспорт, ключи, диктофон — всё, что у неё было. Всё, что связывало её с прошлым.

Она посмотрела вглубь пещеры и увидела слабый свет — выход с другой стороны. Она двинулась туда, ступая осторожно, боясь упасть снова.

10:15 утра. Выход из пещеры — дорога.

Она выбралась из пещеры с другой стороны скалы и оказалась на небольшом холме, откуда открывался вид на дорогу. Асфальтовая лента вилась вдоль берега, и по ней, навстречу утру, двигались редкие машины. Она спустилась к обочине, придерживаясь за кусты, и остановилась на краю дороги.

Через несколько минут она услышала рёв мотора. Из-за поворота вылетел старый грузовик с прицепом, полным ящиков. Он вилял из стороны в сторону, и водитель, толстый мужчина с круглым лицом и весёлыми глазами, насвистывал что-то весёлое.

Она вышла на дорогу и подняла руку. Грузовик проехал мимо, но через несколько метров затормозил, а затем сдал назад.

Из окна высунулась голова водителя — лысого, с румяными щеками и большими усами.

— *Эй, ты чего на дороге стоишь? С ума сошла? Попадёшь под колёса!*

Она не ответила. Она просто стояла и смотрела на него, и в её глазах было столько отчаяния, что он сразу замолк.

— *Ладно, ладно, садись, — сказал он и махнул рукой.
— *Я Пабло. Везёшь яблоки в Барселону. Там дорога. Чай, не ограбишь?*

Она открыла дверь и забралась в кабину. Внутри пахло бензином, табаком и ещё чем-то сладким — яблоками, наверное. Она села на сиденье, прижав к себе рюкзак, и грузовик тронулся.

Они ехали молча. Пабло поглядывал на неё, но не задавал вопросов. Он просто вёл машину, напевая что-то себе под нос, и время от времени поглядывал в зеркала.

— *Ты похожа на прокуроршу с новостей, — сказал он, наконец. — *Только та выглядит злее. А ты — как испуганный ребёнок.*

Эльза сжалась и ничего не ответила. Она не знала, что сказать. И что думать.

Грузовик ехал по серпантину, и внизу уже виднелись огни Барселоны. Город просыпался, и дым от заводов поднимался в небо. Эльза смотрела в окно и чувствовала, как страх сжимает её горло. Она не знала, что найдёт в этом городе. Но знала, что должна добраться до камеры хранения на вокзале.

И вдруг Пабло сбавил скорость. Впереди, на въезде в город, стоял полицейский кордон. Машины двигались медлен-

но, их останавливали и проверяли документы.

— *Ищут тебя, да?* — спросил Пабло, и голос его дрогнул.

Эльза не ответила. Она посмотрела вперёд и увидела женщину в полицейской форме. Она стояла у ограждения, держа в руке рацию, и её глаза были холодными, цепкими, они скользили по проезжающим машинам, как луч прожектора.

— *Остановись,* — сказала Эльза тихо.

— *Что?*

— *Я сказала — остановись!*

Пабло нажал на тормоз, и грузовик дёрнулся. Эльза открыла дверь и, не раздумывая, выпрыгнула на полном ходу. Она покатилась по асфальту, чувствуя, как гравий впивается в кожу, и скатилась в кювет, в мокрую траву.

Она лежала неподвижно, сжимая рюкзак, и слышала, как грузовик удаляется. Полицейские остановили его через несколько десятков метров. Женщина-инспектор подошла к кабине, о чём-то поговорила с Пабло, потом повернулась и посмотрела прямо на кювет — туда, где лежала Эльза.

Она не могла видеть её. Трава была высокой, и Эльза была скрыта за насыпью. Но женщина поднесла рацию к губам и сказала тихо:

— *Она здесь. Начинаем зачистку.*

Эльза почувствовала, как холод пробирает её до костей. Это был не просто патруль. Это была ловушка.

Она поднялась и, пригибаясь, побежала в лес, который начинался сразу за кюветом. Ветки хлестали по лицу, но она

бежала, не останавливаясь, пока лес не сомкнулся за ней, скрывая от преследователей.

Она остановилась только тогда, когда не осталось сил. Она прислонилась к стволу сосны и закрыла глаза. Грудь разрывалась от бега, а сердце стучало так, что казалось, она слышит его через голову.

Они знают, где я. Они всегда знают.

Она сжала рюкзак и достала диктофон. Нажала на воспроизведение, прокручивая вперёд, и услышала свой голос на последней записи — той, что оборвалась:

— ...*Я спрятала ключ в...*

Где, где, где?!

Она закрыла глаза и попыталась вспомнить. Цифры пульсировали в голове, как второй пульс. 41 30 N 2 10 E.

Маяк. Там, в трёх километрах от бара. Она поняла это с абсолютной уверенностью — татуировка на шее была координатами места, куда она должна идти. Где спрятала ключ.

Она открыла глаза и посмотрела в сторону моря, которое виднелось сквозь деревья.

Маяк. Я иду.

Она поднялась и пошла вперёд, вглубь леса, оставляя позади полицейские кордоны и людей, которые хотели её убить. Или спасти.

Она не знала, кому верить.

Но она знала, что должна найти этот ключ.

ГЛАВА 3. КЛЮЧ

12:47. Вокзал Барселона-Сантс.

Она шла по городу, стараясь не поднимать глаз. Каждый встречный взгляд казался ей подозрительным, каждый прохожий — потенциальным преследователем. Но она держалась прямо, не сбиваясь с шага, и в этом движении, в этом механическом ритме было что-то знакомое, что-то, что её тело помнило без участия разума. Она ныряла в толпу, пряталась за спины туристов, сворачивала в переулки, когда видела полицейскую машину. Её тело знало этот город. Её память — нет.

Вокзал Барселона-Сантс встретил её шумом, светом и запахом кофе. Тысячи людей сновали туда-сюда, никто не смотрел на неё, никто не замедлял шага. Она была невидимкой в этом потоке, и это давало ей странное чувство безопасности.

Она нашла камеры хранения — длинный ряд металлических шкафчиков в конце зала. Её пальцы сжали ключ, который она нашла в кармане куртки Хосе. Старый, с номером 47. Она подошла к нужной ячейке, и ключ вошёл в замок с мягким щелчком.

Рука дрожала, когда она открывала дверцу. Внутри лежала железная коробка — старая, выцветшая, с потёртыми краями. Она вытащила её и села на скамейку рядом, чувствуя,

как сердце колотится в груди.

Коробка не была заперта. Она открыла её и заглянула внутрь.

Телефон. Старый, с кнопками, модель 2010 года. Потёртый, с царапинами на экране, но рабочий — в этом она не сомневалась. Рядом с ним лежала пачка денег — пять тысяч евро, перевязанные резинкой. И фотография.

Она взяла её дрожащими пальцами, и мир замер.

На фото была она. Молодая, улыбающаяся, с короткими тёмными волосами, которые она не помнила. Рядом с ней стоял Маноло — но не тот Маноло, которого она видела в баре. Другой. Без ожогов, без седины, молодой и почти красивый. Он улыбался в объектив, и в его взгляде было что-то тёплое, почти нежное. А между ними, на руках у Маноло, сидела маленькая девочка — лет пяти, с тёмными кудряшками и большими карими глазами. Она смеялась, показывая пальцем в небо, и на лице её было столько радости, что Эльза почувствовала, как слёзы подступают к глазам.

Она перевернула фотографию. На обороте, её почерком, было написано:

«Лена. Моя дочь. 2018 год».

Слёзы хлынули из глаз. Она не помнила этой девочки. Не помнила Маноло молодым. Но чувство, которое охватило её при виде этого лица, было сильнее любого воспоминания. Она знала, что это правда. Она чувствовала это каждой клеткой своего тела.

У меня есть дочь. У меня есть дочь, и я не помню её.

Она сжала фотографию и положила её обратно в коробку. Телефон. Деньги. Фото. Всё, что у неё было. Она сунула коробку в рюкзак и встала, чувствуя, как ноги дрожат.

Вокруг неё жизнь продолжалась. Люди спешили к поездам, кто-то смеялся, кто-то плакал, мир вращался. Но она стояла на месте, как камень в потоке, и чувствовала, как внутри неё что-то меняется.

Она не просто хотела выжить. Она хотела вспомнить. Ради этой девочки. Ради Лены.

13:15. Вокзал Барселона-Сантс

Она нашла тихое место у окна, откуда видела вход в вокзал, и достала телефон. Старый, с кнопками, он выглядел анахронизмом в мире смартфонов, которые держали в руках все вокруг. Но он работал — экран загорелся тусклым зелёным светом, и на нём появился значок единственного приложения.

Зашифрованный мессенджер. Она не знала названия, не знала, как им пользоваться, но когда она открыла его, на экране появилось сообщение.

Оно было коротким, и от него по коже пробежали мурашки:

«Ты жива. Я знала, что ты справишься. Мы встретимся у маяка в полночь. Приведи Лену. Это её единственный шанс».

Эльза смотрела на текст и чувствовала, как внутри неё

поднимается паника. Кто это написал? Кто знает о Лене? И что значит «её единственный шанс»?

Она попыталась нажать «ответить», но телефон завибрировал, и на экране появилась надпись: *«Для ответа необходим отпечаток пальца»*.

Она не знала, зачем это, но приложила палец к датчику — старому, потёртому, почти невидимому — и экран разблокировался. Вместо поля для ввода сообщения появился новый текст:

«Ты не мать. Ты — похитительница. Лена — мой ребёнок. Верни её».

Эльза уставилась на экран. Сердце её пропустило удар, а потом забилося с удвоенной силой. Что это значит? Она не мать? Она похитила Лену?

Она снова посмотрела на фотографию. Маленькая девочка смеялась, глядя в небо. Маноло держал её на руках, а она стояла рядом. Это не было лицом похитительницы. Это было лицо матери.

Но телефон врал. Или не врал?

Она сжала его в руке, чувствуя, как холодный металл впицается в ладонь.

Кому мне верить?

Она убрала телефон обратно в коробку, закрыла рюкзак и поднялась. Она не знала, что делать. Но она знала, что должна найти ответы. И единственный путь к ним — маяк. Там, где её ждут. Или где её убьют.

Она двинулась к выходу, и на полпути её взгляд упал на экраны, висящие над кассами. Они показывали новости — те же самые новости, которые она видела в баре у Маноло. Но теперь на экране было её лицо. Её собственное лицо, смотрящее на неё с экрана, как с портрета.

«Разыскивается за убийство. Эльза Гарсия, известная также как Алисия Видаль. Подозревается в убийстве прокурора Елены Дуран. При задержании применять оружие не рекомендуется».

Она замерла, глядя на своё лицо. Люди вокруг неё тоже смотрели на экраны, кто-то перешёптывался, кто-то не обращал внимания. Она чувствовала, как все взгляды скользят по ней, как иглы, и понимала, что её лицо уже видели. Что кто-то может узнать её в любой момент.

Она опустила голову, спрятала лицо и быстрым шагом вышла из вокзала, ныряя в толпу на площади.

14:00. Подземный переход — улицы Барселоны.

Она нашла подземный переход, который соединял вокзал с соседними улицами. Внутри былолюдно и шумно — уличные торговцы продавали сувениры, еду, одежду. Она прошла мимо лотка с дешёвыми париками и очками и, не раздумывая, купила чёрный парик и тёмные очки. Она натянула их в ближайшем углу, чувствуя, как её внешность меняется, и это приносило странное успокоение.

Она вышла на улицу и смешалась с толпой. Казалось, она стала невидимой.

Но когда она проходила мимо арки старого здания, кто-то схватил её за руку. Она дёрнулась, готовая бежать, но это был нищий — грязный, с длинной седой бородой, сидящий на корточках у стены. Он смотрел на неё, и в его глазах не было ни страха, ни жалости. Только холодная, трезвая ясность.

— *Тебя ищут не полицейские, — сказал он тихо. — *Ищут Чистильщики. Они убивают всех, кто знает про проект «Соль».*

Она замерла.

— *Что за проект?*

— *Ты не помнишь, — это не вопрос. — *Они стёрли тебе память. Но не всю. Ты должна найти книжный магазин в районе Грасиа, на улице Морера, дом 12. Там тебе помогут.*

Он сунул ей в руку клочок бумаги и исчез в толпе, как будто его и не было. Она смотрела на бумагу, где был написан адрес, и чувствовала, как внутри неё растёт холод. Она не знала, кому верить, но у неё не было выбора.

Она пошла в район Грасиа.

15:30. Книжный магазин, Грасиа.

Магазин был старым, почти незаметным среди современных витрин. Его вывеска выцвела до бледно-серого цвета, а витрина была заставлена книгами, которые давно никто не покупал. Она толкнула дверь, и колокольчик звякнул, возвещая о её приходе.

Внутри пахло старыми страницами, пылью и ещё чем-то, что она не могла определить — чем-то тёплым и знакомым,

как воспоминание о доме, которого у неё не было.

За прилавком сидела пожилая женщина. Её волосы были совершенно седыми, а лицо покрыто морщинами, которые рассказывали о долгой, трудной жизни. Но глаза её были молодыми, живыми, и когда она увидела Эльзу, она замерла.

А потом заплакала.

— *Ты вернулась, — прошептала она. — *Я думала, ты мертва. Мы все думали, что ты мертва.*

Эльза не знала, что ответить. Она просто стояла, глядя на женщину, которая плакала, глядя на неё.

— *Кто вы?* — спросила она, наконец.

— *Меня зовут Тереза, — сказала женщина, вытирая слёзы. — *Я была твоим наставником. Мы — те, кто создал этот проект. Проект «Соль».*

Она подошла к Эльзе и взяла её за руки.

— *Я знаю, что ты ничего не помнишь. Твой чип заблокировал память. Мы пытались извлечь его, но это убьёт тебя. Ты была в коме три месяца после того, как они сделали это с тобой.*

Эльза смотрела на неё, и в голове её всплывали обрывки видений. Операционная. Свет. Человек в белом халате.

— *Что вы сделали со мной?*

Тереза покачала головой:

— *Мы не сделали. Мы пытались помешать им. Ты была агентом внедрения. Ты работала на нас, когда мы пытались разоблачить «Черную волну». Но они узнали. Они пой-*

мали тебя. И они стёрли твою память, чтобы ты не могла свидетельствовать.

Она подвела Эльзу к столу, где лежала старая папка с фотографиями. Она открыла её, и Эльза увидела лабораторию — белые стены, аппаратура, люди в халатах. И стол, на котором лежал человек. Она.

— *Это они делали, — сказала Тереза. — *Редактирование памяти. Экспериментальная технология. Они стирали личности, превращая людей в марионеток.*

Эльза смотрела на фотографии, и в голове её пульсировала боль. Она чувствовала, как воспоминания пытаются прорваться сквозь барьер, но безуспешно.

— *Что мне делать? — спросила она. — *Я должна найти Лену. Она моя дочь?*

Тереза снова заплакала:

— *Ты не знаешь? Ты действительно не знаешь?*

— *Нет.*

— *Лена — не твоя дочь. Она — дочь Елены Дуран, прокурора, которую ты... которую ты якобы убила. Ты похитила её, чтобы спасти от «Чёрной волны». Ты должна была прятать её, пока мы не разоблачим эту организацию. Но они поймали тебя раньше.*

Эльза почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она похитила ребёнка. Она украла дочь женщины, которую разыскивают за убийство. Но она сделала это, чтобы спасти её?

— *Где Лена?*

— *Сейчас она у Маноло, — сказала Тереза. — *Он должен был защищать её. Но мы не знаем, можно ли ему верить. Он работает на них.*

В этот момент дверь книжного магазина взорвалась.

Раздался грохот, и в проёме показались вооружённые люди в чёрном — с масками, с автоматами. Тереза закричала:

— *Беги! Это Чистильщики!*

Эльза рванула в сторону, к люку в полу, который Тереза открыла рукой — старый, ржавый, но рабочий. Она прыгнула вниз, в темноту, ударившись плечом о бетон, и услышала над головой выстрелы. Один, второй, третий. А потом — крик Терезы. Короткий, пронзительный, оборвавшийся на полуслове.

Тело женщины упало на пол, перекрывая свет из люка. Эльза замерла внизу, прижимаясь к стене, и смотрела вверх, через решётку, залитую кровью.

Она увидела лицо одного из нападавших. Он снял маску и переступил через тело Терезы, даже не взглянув на неё. Его лицо было спокойным, почти равнодушным.

Маноло.

Он поднёс рацию к губам и сказал:

— *Объект ушёл в подвал. Закрыть все выходы.*

Эльза смотрела на него, и в глазах её горел огонь. Тот, кто дал ей кров и еду. Тот, кто сказал, что хочет её спасти. Он убил Терезу. Он охотился на неё.

Она сжала кулаки и сделала шаг назад в темноту подвала, зная, что у неё есть всего несколько минут, чтобы найти выход.

Она должна выжить. Ради Лены. Ради правды.

И она выживет. Она поклялась себе в этом.

ГЛАВА 4. ЛАБИРИНТ

Она приземлилась на бетонный пол, и удар отозвался в коленях тупой, ноющей болью. Сверху, через решётку, пробивался тусклый свет, на котором уже расплывалась тёмная лужа — кровь Терезы. Эльза не могла смотреть на это. Она отвернулась и сделала шаг в темноту, прижимая к груди рюкзак.

Вокруг неё простирался подвал — старый, сырой, с низким потолком и стенами, покрытыми слоем известки, которая осыпалась при каждом движении. Она включила телефон, и узкий луч света вырвал из темноты фрагменты реальности: ржавые трубы, старые ящики, и в углу — проём, ведущий вниз. Лестница. Каменная, стёртая, с выбоинами, в которых застоялась вековая пыль.

Она спустилась, и лестница увела её в лабиринт.

Туннели были старыми, с кирпичными сводами, которые кое-где обвалились, открывая взгляду чёрные пустоты. Воздух был влажным и тяжёлым, с запахом плесени и старой сырости. Она шла, стараясь не думать о том, что находится над ней — о Маноло, о Чистильщиках, о том, что её ищут и что Тереза мертва. Она просто двигалась вперёд, следя за тем, чтобы не сбиться с пути.

Стены туннелей были покрыты граффити. Не современными рисунками, а старыми, выцветшими надписями —

имена, даты, короткие фразы на испанском и каталанском. «*Живи, чтобы помнить. Не сдавайся. 1938 год. Мы вернёмся*». Она провела пальцами по шероховатому камню и почувствовала, как по спине пробежал холод. Эти туннели были свидетелями другой войны. Другой борьбы. И теперь она стала частью этой истории.

Она шла по лабиринту, сворачивая то влево, то вправо, и каждый поворот казался ей последним. Телефон в руке светил всё слабее — батарея садилась. Она уже собиралась остановиться, чтобы подумать, что делать дальше, когда впереди замаячил слабый свет — не электрический, а естественный, просачивающийся откуда-то сверху.

Она двинулась в ту сторону и оказалась в небольшой комнате. Старой, заброшенной, но явно обитаемой. Здесь стояла койка с матрасом, покрытым слоем пыли, старый деревянный стол, на котором лежали карты, и в углу — ржавый металлический шкаф. На стенах висели плакаты с изображением символов, которых она не узнавала, и фотографии людей, которые смотрели на неё с серьёзными лицами.

Она подошла к столу и развернула карту. Это был план туннелей — сложная сеть ходов, которые тянулись под всем городом и выходили к порту, к вокзалу, к старому маяку. В центре карты была отмечена красная точка — та самая комната, в которой она находилась. И пометка: «*База сопротивления "Черной волны"*».

Эльза опустила на стул и устала на карту. «Черная

волна». Хосе говорил об этой организации. Тереза говорила. Её собственный голос на диктофоне. Это была та самая сеть, которую она пыталась разоблачить. И эта комната была их убежищем. До того, как их продали. До того, как она стала той, кого ищут убить.

Она открыла шкаф и нашла внутри оружие — старый пистолет, несколько обойм, нож. Она взяла нож, спрятала его за голенище сапога, а пистолет проверила, как будто делала это сотни раз. Её пальцы двигались уверенно, даже когда разум был в замешательстве. Тело помнило.

И когда она уже собиралась уходить, её взгляд упал на старую кожаную тетрадь, лежащую на койке под подушкой. Она подошла и взяла её. На обложке было вытеснено имя: «*Тереза*».

Дневник.

Она села на койку и открыла дневник. Страницы были исписаны мелким, аккуратным почерком — женским, твёрдым, без единой пометки. Она начала читать с конца, с самых последних записей, потому что знала: именно там она найдёт ответы.

«15 сентября 2023 года.

Эльза пропала. Чистильщики взяли её. Мы не знаем, жива ли она. Лена рыдает каждую ночь. Я не могу сказать ей правду — она слишком мала. Маноло исчез. Я чувствую, что он предал нас. Проект "Соль" под угрозой. Если они доберутся до её чипа, они узнают всё».

Эльза перелистнула дальше, и глаза её пробежали по строчкам, выхватывая ключевые слова.

«Проект "Соль". Мы создали его не как орудие контроля, а как защиту. Мы вживляем чипы жертвам трафика, чтобы они забыли свои травмы. Чтобы они могли жить дальше. Но Эльза настояла на том, чтобы стереть и свою память. Она хотела сохранить список детей, спрятанных от мафии. Она сказала: "Если я не буду помнить, никто не сможет выбить из меня правду". Её чип — единственный ключ к этому списку. Без него дети останутся в тени навсегда».

Эльза смотрела на страницы, и в груди её разрасталась боль. Она знала, что это правда. Она чувствовала это. Её чип — не просто устройство для блокировки памяти. Это был ключ. Ключ к спасению детей.

Она перевернула страницу и прочитала ещё одну запись:
«Лена — не дочь Эльзы. Она — дочь судьи Мартинеса. Мы украли её, чтобы защитить от отца, который продавал детей. Эльза притворилась её матерью. Она любит её как родную. Это не похищение — это спасение. Но если Эльза не вспомнит, она никогда не узнает правды. И Лена никогда не простит её».

Эльза закрыла глаза, и мир вокруг неё исчез. В голове зазвучал голос — детский, звонкий, смеющийся.

— Мама, смотри! Я построила замок!

Она открыла глаза, и перед ней возникло видение. Маяк. Старый, белый, с облупившейся краской. Она сидит на пес-

ке, а рядом с ней — маленькая девочка с тёмными кудряшками. Она строит замок из песка, смеётся, показывает ей что-то, и на лице её столько счастья, что у Эльзы перехватывает дыхание.

— Лена, — *шепчет она.* — Лена, моя девочка.

Она протягивает руку, чтобы коснуться её, но видение исчезает. Только пыль, танцующая в луче телефона, и дневник, лежащий на коленях.

Эльза плачет. Она плачет впервые за всё это время, и слёзы катятся по её щекам, смешиваясь с грязью и кровью. Она не помнит, но она знает. Она знает, что Лена — её дочь. Не по крови, а по душе. И она вернёт её. Даже если это будет стоить ей жизни.

Она шла по туннелям, следуя по карте, которую отпечата-ла в своей памяти. Телефон почти разрядился, и она двигалась на ощупь, ориентируясь по звукам — где-то над головой гудели машины, где-то вдалеке слышался шум воды. Порт. Она была близко.

Стены туннеля стали шире, воздух — свежее. Она прошла через металлическую решётку, которая легко открылась, и оказалась в старом ангаре, где пахло мазутом и морем. Выход был рядом.

Она подошла к двери, которая вела наружу, и останови-лась. Снаружи был свет. И голоса. Она прислушалась, но ни-чего не услышала. Тогда она толкнула дверь и вышла на ули-цу.

Порт был пустынным. Старые контейнеры стояли в ряд, и чайки кружили над головой, но людей не было. Только она, ветер и запах соли. Она сделала шаг, оглядываясь по сторонам, и в этот момент услышала лай.

Собака. Крупная, с низким гортанным рычанием. Она выскочила из-за контейнера, и следом за ней — человек. Высокий, крепкий, с татуировкой на шее — голова волка, оскаленная пасть. Он шёл к ней, не спеша, и в руках его не было оружия.

Эльза замерла, не зная, бежать или драться. Но человек остановился в нескольких шагах от неё и поднял руки, показывая, что не собирается нападать.

— *Я — Карлос, — сказал он. Голос его был низким, хриплым, и в нём звучала странная нежность. — *Я тот самый мальчик из твоих воспоминаний. Ты спасла меня пятнадцать лет назад.*

Она смотрела на него, и в голове что-то щёлкнуло. Мальчик. Рыжий, с испуганными глазами, который сидел в контейнере. Который сказал ей: «*Ты пришла за нами?*» Она не помнила его лица, но помнила голос.

— *Я помню тебя, — прошептала она. — *Ты был маленьким. Ты просил маму.*

Карлос улыбнулся, но улыбка была грустной.

— *Да. И ты сказала мне бежать. Я выжил благодаря тебе. Теперь я твой должник.*

Он открыл дверцу машины, которая стояла рядом.

— *Садись. Быстро. Маноло уже близко. Если он найдёт нас, мы не успеем уйти.*

Она колебалась мгновение, но потом шагнула вперёд и села в машину. Карлос сел за руль, и двигатель взревел, вырывая их в узкие улочки порта.

Они ехали молча. Эльза смотрела в окно на проплывающие здания, и в голове её всё ещё звучал детский смех. Лена. Её дочь. Где она? И что она думает о ней?

Карлос повернул на пустынную набережную и наконец, заговорил:

— *Ты не знаешь, что Лена жива. Она работает в полиции. Она — стажёр у инспектора Рамос. Она думает, что ты убила её семью.*

Эльза почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— *Что?*

— *Она не знает правды. Ей сказали, что ты — похитительница, убийца, что ты уничтожила её жизнь. Она ищет тебя, чтобы отомстить.*

Эльза закрыла глаза. Боль, которая пронзила её, была сильнее любой физической боли. Она потеряла дочь. И теперь её дочь хочет убить её.

— *Что мне делать?*

Карлос посмотрел на неё, и в глазах его была та же решимость, что и у неё.

— *Мы должны найти её раньше, чем она найдёт тебя. Мы должны сказать ей правду. Иначе она уничтожит те-*

бя, не зная, что ты — единственная, кто любил её по-настоящему.

Машина уносила их в неизвестность, а впереди уже зажигались огни ночного города.

Они ехали по тёмным улицам Барселоны, и Эльза сжимала в руках дневник Терезы. В голове её пульсировали мысли: Лена жива. Лена — полицейский. Лена думает, что она — враг.

Она должна найти её. Должна сказать ей правду.

Но она знала, что это будет самым трудным испытанием в её жизни.

Впереди, на горизонте, маячил силуэт старого маяка.

Она знала, что должна туда. Но сначала — Лена.

ГЛАВА 5. СТАЖЁР

19:30. Старый склад на окраине Барселоны.

Склад был огромным, с высокими потолками и ржавыми балками, на которых кое-где ещё держались остатки старых ламп. Внутри пахло пылью, машинным маслом и чем-то металлическим, что напоминало Эльзе запах крови, хотя она не могла объяснить почему. Карлос провёл её через лабиринт пустых контейнеров и остановился у небольшой комнаты, оборудованной под оперативный центр.

Мониторы занимали всю стену. На них транслировалось изображение с камер наблюдения, установленных в разных частях города. Карлос сел за пульт и быстро набрал команду, и на центральном экране появилось изображение полицейского участка — холл, коридоры, комнаты для допросов. И одна из них, где за столом сидела молодая женщина.

Эльза подошла ближе и замерла.

Женщина была молодой — лет двадцати двух, с короткой стрижкой, которая подчёркивала резкие черты её лица. Она была худой, с острыми плечами и твёрдым подбородком, и в глазах её горел холодный, цепкий огонь. Она сидела за столом, изучая документы, и время от времени делала пометки в блокноте. На стене за её спиной висела доска, покрытая фотографиями, схемами и красными нитями, которые соединяли их в единую сеть.

Эльза узнала это лицо. Она не помнила его, но чувствовала, как внутри неё что-то обрывается, как струна, натянутая до предела. Это была Лена. Её дочь. Дочь, которая не знала правды.

На доске за спиной Лены были приколоты фотографии. И одна из них — её собственное лицо. Чёрно-белое, с углов, с цифрой «01» в углу. Под фото была подпись: *«Главный подозреваемый: Эльза Гарсия. Убийство судьи Мартинеса и похищение несовершеннолетней».*

Эльза смотрела на своё лицо и чувствовала, как внутри неё закипает холодная ярость. Не на Лену. На того, кто написал эти слова. На того, кто вбил в голову ребёнка эту ложь.

Карлос подошёл к ней и встал рядом, глядя на экран.

— *Это она, — сказал он тихо. — *Лена. Она не знает правды. Рамос воспитала её как оружие. Она считает, что ты убила её отца и похитила её. Каждый день она просыпается с мыслью о мести. Это всё, что у неё есть.*

Эльза не отвела взгляда от экрана. Она видела, как Лена перелистывает страницы дела, как она хмурится, как она сжимает ручку, и чувствовала, как внутри неё разрывается сердце.

— *Она выглядит такой... одинокой, — прошептала она. — *Как будто мир отвернулся от неё.*

— *Так и есть, — сказал Карлос. — *Рамос забрала её, когда ей было пять лет. Она растила её как солдата, как оружие против «Черной волны». Лена не знает, что такое*

любовь. Она знает только ненависть.

Эльза сжала кулаки. Внутри неё что-то надломилось, и она поняла, что больше не может ждать. Она должна увидеть свою дочь. Она должна сказать ей правду.

— **Я должна встретиться с ней,* — сказала она.

Карлос повернулся к ней, и в его глазах появилась тревога.

— *Ты с ума сошла? Она убьёт тебя. Даже не спросив.*

— **Тогда это будет честно,* — ответила Эльза. — *Я укра-
ла её жизнь. Я не помню, почему я это сделала, но я украла.
Теперь я должна вернуть ей выбор. Если она хочет убить
меня — пусть. Но она узнает правду.*

Она повернулась к выходу, но Карлос схватил её за руку.

— **Ты как всегда,* — сказал он, и голос его дрогнул. — *Спасаешь всех, кроме себя. Ты сделала это пятнадцать лет
назад. Ты делаешь это сейчас. Но, Эльза, если ты погиб-
нешь, кто спасет остальных?*

Она посмотрела на него, и в глазах её горела та же сталь, что и в глазах Лены.

— *Если я погибну, значит, так было суждено. Но я не
могу больше прятаться. Я не могу больше врать. Даже если
это будет стоить мне жизни.*

Она высвободила руку и вышла из склада, оставляя Карлоса одного перед мониторами, на которых всё ещё была Лена.

Карлос догнал её уже у выхода. Он был бледным, но решительным.

— *Ты не пойдёшь одна, — сказал он. — *Я не позволю. Я знаю этот участок. Я знаю, где она выходит на перекур. Там есть слепое пятно для камер. Если ты хочешь встретиться с ней, это единственный способ сделать это без свидетелей.*

Эльза остановилась и повернулась к нему.

— *Ты уверен?*

— *Да. И, Эльза... Он помедлил. — Лена не знает, что Рамос убила её отца. Я видел это. Мне было десять лет, и я прятался в шкафу. Я слышал выстрел. Я видел, как Рамос стреляла в судью Мартинеса. Лена стояла рядом и кричала. Рамос сказала ей, что это сделала ты.*

Эльза смотрела на него, и в глазах её закипали слёзы.

— *Почему ты не сказал ей раньше?*

— *Потому что Рамос — монстр, — сказал Карлос. — *Она контролирует всё. Если бы я заговорил, она бы убила меня. Или хуже — убила бы Лену. Я ждал тебя. Только ты можешь рассказать ей правду.*

Он протянул ей ключи от своей машины.

— *Возьми. Выезжай через задние ворота. Через десять минут будь у участка. Я приведу Лену к заднему выходу. Это единственный шанс.*

Эльза взяла ключи и сжала их в руке.

— *Спасибо, Карлос.*

— *Ты спасла мою жизнь пятнадцать лет назад, — сказал он. — *Теперь моя очередь.*

Она стояла в тени старого дерева, глядя на заднюю дверь участка. Вокруг было тихо, только где-то вдалеке гудели машины, и ветер шевелил листву на асфальте. Она чувствовала, как сердце колотится в груди, и каждый удар отдавался в висках. В руках она сжимала парик и очки, которые всё ещё были на ней. Она хотела снять их, но не могла заставить себя сделать этот шаг.

Дверь открылась, и из неё вышла Лена.

Она была в полицейской форме, с сигаретой в руке, и выглядела уставшей. Она остановилась у стены, закурила и посмотрела на небо. В этом движении было что-то детское — как будто она всё ещё была той маленькой девочкой, которая искала ответы на вопросы, которые никто не хотел ей давать.

Эльза сделала глубокий вдох. Она сняла парик и очки, отбросила их в сторону и вышла из тени.

Лена замерла. Сигарета выпала из её рук, и она уставилась на Эльзу широко открытыми глазами. В них не было страха — только шок, переходящий в ярость. Её рука автоматически потянулась к кобуре, и она вытащила пистолет, наводя его на Эльзу.

Эльза подняла руки, показывая, что не собирается сопротивляться.

— *Я знаю, кто убил твоего отца, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — *Это не я. Это Рамос. И я могу доказать это.*

Лена смотрела на неё, и в глазах её горела ярость.

— Ты лжёшь. Ты убила моего отца. Ты похитила меня. Ты уничтожила мою жизнь.

— *Я не лгу, — сказала Эльза. — Я не помню, что я сделала. Моя память стёрта. Но я знаю, что я спасла тебя. Я спасла тебя от отца, который продавал детей. Я была твоей матерью, Лена. Я любила тебя.

Лена сжала пистолет так, что костяшки побелели. На мгновение Эльза увидела в её глазах сомнение — крошечную трещину в стене ненависти.

— *Если ты убьёшь меня, — сказала Эльза, — ты никогда не узнаешь правду. И ты всю жизнь будешь жить с ложью. Я не прошу тебя верить мне. Я прошу тебя выслушать меня.

Лена стояла неподвижно, глядя на неё. Время остановилось. Потом она подняла пистолет и выстрелила.

Пуля прошла в сантиметре от уха Эльзы и вонзилась в ствол дерева за её спиной.

Лена опустила оружие и посмотрела на Эльзу с ненавистью и отчаянием.

— *Садись в машину, — сказала она. — Если ты солгала, я лично закопаю тебя.

Эльза кивнула и направилась к машине, оставляя за спиной дыхание дочери, которая могла убить её в любой момент.

Она села за руль, и Лена заняла место рядом, закрыв дверь.

— *Веди, — сказала Лена. — *На маяк. Если ты хочешь что-то мне сказать, скажи там.*

Они ехали в тишине, и тишина эта была тяжёлой, как свинец. Эльза смотрела на дорогу, которая вилась вдоль берега, и чувствовала на себе взгляд Лены. Она знала, что девушка не верит ей. Но она также знала, что внутри Лены, где-то глубоко, теплится маленькая искра сомнения.

— *Я не знаю, что сказать тебе, — начала Эльза, нарушая тишину. — *Я не помню ни тебя, ни твоего отца. Я не помню, почему я сделала то, что сделала. Но я знаю, что я любила тебя. Я чувствую это. Каждую секунду, когда я вижу твоё лицо.*

Лена не ответила. Она смотрела в окно, и лицо её было непроницаемым.

Эльза продолжала:

— *Тереза была нейробиологом. Она оставила мне дневник. Она писала, что я украла тебя, чтобы защитить тебя от отца. Что он продавал детей. Что Рамос убила его, чтобы замять дело.*

Лена повернулась к ней, и в глазах её зажглась ярость.

— *Рамос — мой наставник. Она вырастила меня. Она защищала меня.*

— *Она растила тебя как оружие, — сказала Эльза. — *Она хотела, чтобы ты ненавидела меня. Чтобы ты никогда не искала правду.*

Лена сжала кулаки, но ничего не сказала.

Они выехали на дорогу, которая вела к маяку. Впереди, на скале, уже виднелся его силуэт — белый, облупленный, с выбитыми окнами. Там, где всё началось. И где, возможно, всё должно было закончиться.

Эльза остановила машину у подножия скалы и повернулась к Лене:

— *Там есть тайник. Я спрятала там доказательства. Пойдём со мной. Я покажу тебе правду.*

Лена смотрела на неё, и в глазах её боролись сомнения и ненависть. Потом она медленно кивнула и вышла из машины.

Эльза пошла вперёд, к маяку, и Лена следовала за ней, держа руку на кобуре.

Ветер дул с моря, и где-то вдалеке кричали чайки. Эльза поднялась по лестнице, чувствуя, как знакомый холод пробегает по спине. Она знала это место. Она была здесь раньше.

Она вошла внутрь и направилась к старому сундуку, который стоял в углу. Она открыла его и достала папку с документами.

— *Здесь всё, — сказала она, протягивая папку Лене. — *Доказательства. Фотографии. Показания. Всё, что нужно, чтобы уничтожить Рамос и «Черную волну».*

Лена взяла папку, но не открыла её. Она смотрела на Эльзу, и в глазах её была боль.

— *Почему ты не помнишь меня? — спросила она тихо. — *Я помню тебя. Я помню, как ты пела мне колыбельные.*

Я помню, как ты держала меня за руку. Я помнила тебя все эти годы.

Эльза почувствовала, как слёзы подступают к глазам.

— Я не знаю, Лена. Мне стерли память. Но я помню твой смех. Я помню, как ты строила замки из песка. Я помню, что любила тебя. И я всегда буду любить тебя.

Лена упала на колени и заплакала. Эльза опустилась рядом и обняла её, прижимая к себе, как ребёнка.

В этот момент внизу, у подножия маяка, закричали тормоза. Хлопнула дверца. И раздался голос — холодный, стальной:

— Лена! Я знаю, что ты здесь! Не верь ей! Она убила твоего отца! Она убьёт и тебя!

Рамос. Инспектор Рамос. Она нашла их.

Лена отстранилась, вытирая слёзы, и посмотрела на Эльзу с ужасом.

— Она здесь.

Эльза схватила её за руку и потянула к чёрному ходу:

— Беги. Спрячься. Я не дам ей убить тебя.

*— *Нет, — сказала Лена. — Я не оставлю тебя.*

Эльза сжала её руку:

— Ты должна. Ты — единственная, кто может остановить её. Ты должна передать эти документы в Интерпол. Ты должна рассказать правду.

Лена колебалась мгновение, но потом взяла папку и метнулась к выходу. Эльза осталась одна.

Внизу, на лестнице, уже слышались тяжёлые шаги. Рамос поднималась.

Эльза встала, выпрямилась и посмотрела на дверь. Она знала, что это — её последняя битва.

Она сделает всё, чтобы защитить Лену.

Даже если это будет стоить ей жизни.

ГЛАВА 6. ПРАВДА ИЛИ ЛОЖЬ

квартира на окраине Барселоны.

Квартира находилась на последнем этаже старого дома в районе, который давно потерял свою былую респектабельность. Стены были покрыты слоями краски, которая отслаивалась хлопьями, и пахло сыростью и старой мебелью. Но внутри, за обычной дверью, скрывался настоящий оперативный центр — мониторы, карты, папки с документами и стена, полностью закрытая фотографиями и схемами.

Лена провела Эльзу внутрь и закрыла дверь на три замка. Она двигалась быстро, уверенно, но в глазах её всё ещё стояла боль — смесь недоверия и сомнения, которая разрывала её изнутри. Она указала Эльзе на стул, сама села за стол и открыла старый металлический сейф, стоявший в углу.

Из сейфа она достала папку, пожелтевшую от времени, с потёртыми краями. Она бросила её на стол перед Эльзой.

— *Это медицинские записи, — сказала Лена, и голос её звучал ровно, без эмоций. — *Я украла их из архива Рамос. Там есть кое-что, что я должна была увидеть. Но я не понимаю, что это значит.*

Эльза открыла папку. Там были рентгеновские снимки, анализы крови, и какие-то отчёты на техническом языке, который она не могла полностью расшифровать. Но одно привлекло её внимание — на снимках головного мозга была вид-

на маленькая тёмная точка, вживлённая в ткань. Чип.

Она подняла глаза на Лену.

— *У тебя тоже есть чип.*

Лена кивнула, и лицо её исказилось.

— *Да. Рамос сказала, что это — медицинский имплант, который я получила после травмы. Но я никогда не была травмирована. Я не помню никакой травмы. Только её слова.*

Эльза смотрела на снимки, и в голове её проносились обрывки видений. Операционная. Свет. Человек в белом халате. И крик — тот самый женский крик, который преследовал её с самого начала.

— **Это не просто медицинский имплант, — сказала она медленно. — Это блокировка. То же самое, что сделали со мной. Только у тебя — частичная. Она стёрла не всю память, а только ту часть, которая касалась меня. Которая касалась правды.*

Лена сжала кулаки. Её челюсть была стиснута, и в глазах горел тот же ледяной огонь, который Эльза видела у неё на мониторах.

— *Ты хочешь сказать, что Рамос, ... что она стерла мне память? Зачем ей это?*

— **Чтобы контролировать тебя, — сказала Эльза. — Чтобы ты стала её оружием. Чтобы ты никогда не искала правду.*

Лена отвернулась к окну, и Эльза видела, как дрожат её

плечи. Она хотела подойти, обнять её, утешить, но знала, что это будет ошибкой. Лена не была готова к этому.

— *Если это правда, — сказала Лена, не оборачиваясь, — *то всё, что я знаю о своей жизни — ложь.*

— *Да, — ответила Эльза. — *Но мы можем это изменить. Мы можем найти правду.*

22:45. Квартира Лены.

Эльза достала из рюкзака фотографию, которую нашла в ячейке. Она протянула её Лене, и та взяла её дрожащими пальцами.

На фото была она, маленькая, с тёмными кудряшками, сидящая на коленях у Эльзы. Они смеялись, глядя друг на друга, и на их лицах было столько счастья, что оно, казалось, могло осветить всю комнату. На обороте всё ещё была та же надпись: «*Лена. Моя дочь. 2018 год*».

Лена смотрела на фотографию, и на лице её появилась кривая улыбка — невесёлая, горькая.

— *Это фотошоп, — сказала она, но голос её дрогнул. — *Я не помню этого. Я не помню твоего лица. Я не помню, чтобы ты держала меня на руках.*

Эльза шагнула к ней и коснулась её руки:

— *Потому что тебе стерли память. Так же как мне. Мы обе — эксперимент. Единственный способ всё вспомнить — найти лабораторию, где нас создавали.*

Лена подняла на неё глаза, и в них горела ярость, смешанная с отчаянием.

— Ты говоришь, что мы — подопытные? Что нас сделали такими?

— Да. И единственный способ остановить это — найти лабораторию. Тереза говорила о ней. Там, на маяке, есть вход в подземный комплекс. Мы должны туда.

Лена сжала фотографию в руке, и на мгновение её лицо стало мягче, почти детским. Но оно быстро вернулось к обычной твёрдости.

— *Если я соглашусь, то на моих условиях, — сказала она. — Если после разблокировки окажется, что ты лгала, я убью тебя. Не из мести. Из долга.

Эльза посмотрела ей в глаза и кивнула:

— Я согласна.

Лена взяла нож, лежавший на столе, и порезала по своей ладони. Кровь выступила на коже, и она протянула руку Эльзе.

— *Клятва кровью, — сказала она. — Ты врёшь — я убиваю. Я вру — ты убиваешь. Никто из нас не останется в ложью.

Эльза взяла нож и повторила движение, чувствуя, как острая боль пронзает ладонь. Она сжала руку Лены в своей, и их кровь смешалась.

— *Я клянусь, — сказала она. — Правда или смерть.

Лена кивнула и отступила.

Внезапно телефон на столе завибрировал. Лена подошла и взяла его — на экране горело имя: «Карлос». Она нажала

на ответ, и голос Карлоса, срывающийся и запыхавшийся, раздался в динамике:

— Лена! Рамос знает, что ты с Эльзой. Она вызвала «Чистильщиков». Через двадцать минут они будут у твоей квартиры. Бегите к маяку — там лаборатория, о которой говорила Тереза. Это единственный шанс!

Связь оборвалась. Лена посмотрела на Эльзу, и в глазах её застыл ужас.

— Они идут.

Она метнулась к столу, собирая документы, но Эльза схватила её за руку:

— Оставь это. Если они возьмут нас, документы им не помогут. Мы должны уходить.

Лена колебалась мгновение, но потом кивнула. Они выбежали в коридор, и в этот момент внизу, на лестнице, раздался звук шагов — тяжёлых, множественных.

— Они уже здесь, — прошептала Лена.

Она рванула к окну, распахнула его и выглянула наружу. Пожарная лестница вела вниз, к тёмному переулку.

— Вниз! Быстро!

Эльза не раздумывала. Она перекинула ногу через подоконник и начала спускаться. Лена последовала за ней, и они двигались вниз, перепрыгивая через ступеньки, слыша, как за их спиной с грохотом выбивают дверь.

И в тот момент, когда они достигли последнего лестничного пролёта, раздался взрыв.

Огненная волна выбила окна, и осколки стекла дождём посыпались вниз. Пламя вырвалось из квартиры, и стены дома содрогнулись. Эльза и Лена упали на землю, прикрывая головы руками, и чувствовали, как жар обжигает им спины.

Когда огонь стих, Лена поднялась, глядя на свою квартиру, которая горела ярким пламенем. Все документы, все доказательства, всё, что у неё было, превратилось в пепел.

Она повернулась к Эльзе, и в глазах её горела холодная ярость.

— *Теперь у нас ничего нет, — сказала она. — *Только твоя голова и моя ненависть.*

Эльза смотрела на неё, и чувствовала, как внутри закипает та же ярость. Она не знала, что будет дальше. Но она знала, что они должны идти вперёд.

— *Идём, — сказала она. — *К маяку. Мы должны найти лабораторию.*

Они побежали в темноту, оставляя позади пламя и людей, которые хотели их уничтожить.

Они бежали по тёмным улицам Барселоны, и каждый шаг отдавался болью в груди. Сзади не было погони — Чистильщики остались у горящего дома, уверенные, что они мертвы. Это давало им время, но немного.

Эльза смотрела на маяк, который виднелся вдали, и чувствовала, как внутри неё растёт холодная решимость. Она должна найти лабораторию. Должна вспомнить правду. Даже если это будет стоить ей жизни.

Лена бежала рядом, и в глазах её горела та же решимость.

Они были вместе. Враги или союзники — это покажет только время.

Но однажды они узнают правду.

ГЛАВА 7. ДОРОГА К МАЯКУ

Они бежали по тёмным переулкам, пока Лена не остановилась у старого «Ситроена», припаркованного в тупике. Она выбила стекло локтем, открыла дверь и за секунду замкнула провода зажигания. Двигатель взревел, и они рванули вперёд, оставляя горящий дом и Чистильщиков далеко позади.

Машина неслась по ночной трассе, и ветер врывается в разбитое окно, хлестая по лицам. Эльза сидела на пассажирском сиденье и смотрела на дорогу, которая убегала вперёд, как серая лента, исчезающая в темноте. Она чувствовала, как вибрация мотора проникает в кости, как каждая кочка отдаётся в позвоночнике. Но она не чувствовала боли. Только холодную, нарастающую решимость.

Лена вела машину, и её руки дрожали на руле. Эльза видела это — пальцы сжимали обод так сильно, что костяшки побелели, и даже в темноте было заметно, как они подрагивают. Она хотела что-то сказать, но не знала, что. Слова были бесполезны.

Вместо этого она закрыла глаза и попыталась вспомнить. Сначала была только темнота. Потом — вспышка.

Она стояла на маяке. Ночь. Ветер. Кто-то держал её за руку — маленькая ладошка, тёплая и доверчивая. Она смотрела вниз, на море, и видела корабли, стоящие на рейде. Где-

то вдалеке кричали чайки.

— *Мама, смотри, — сказал детский голос. — *Корабли как огоньки.*

Она повернула голову и увидела лицо — маленькое, с карими глазами и тёмными кудряшками. Лена. Она улыбалась, показывая пальцем вдаль, и в её улыбке было столько света, что у Эльзы перехватило дыхание.

Она протянула руку, чтобы коснуться её щеки, но видение исчезло. Вместо него пришло другое.

Операционная. Яркий свет. Она лежит на столе, и кто-то склоняется над ней. Маска. Белый халат. И голос, холодный и безразличный:

— *Память заблокирована на восемьдесят семь процентов. Отключаем эмоциональный контур.*

Она попыталась закричать, но рот был заклеен. Она чувствовала, как игла входит в вену, как холодный металл касается её виска. И снова — крик. Женский крик, разбивающий стекло.

Эльза открыла глаза, и по её лицу текли слёзы. Она не заметила, когда начала плакать. Она просто сидела, глядя на дорогу, и чувствовала, как боль разрывает грудь.

Лена покосилась на неё, и в глазах её мелькнула тревога.

— *Ты в порядке?*

— *Нет, — ответила Эльза. — *Но это не важно. Мы должны добраться до маяка.*

Лена ничего не сказала. Она просто прибавила газу, и ма-

шина понеслась в ночь.

Они остановились у старого кафе, которое выглядело заброшенным уже много лет. Вывеска почти стёрлась, а в окнах зияла тьма. Но Эльза заметила на стене телефон-автомат — старый, с диском, который мог ещё работать.

Она вышла из машины, и ноги её подкосились. Она оперлась о стену, чувствуя, как мир плывёт перед глазами. Лена выскочила следом и подхватила её под руку.

— *Ты не можешь идти дальше, — сказала она. — *Ты на пределе.*

— *Я должна позвонить, — ответила Эльза. — *Номер Терезы. Он в моей голове. Я помню его из диктофона.*

Она подошла к телефону, дрожащими пальцами набрала номер и прижала трубку к уху. Гудки были долгими, и каждый из них отдавался в висках. Она уже почти потеряла надежду, когда на том конце сняли трубку.

Женский голос — молодой, но уставший:

— *Алло?*

— *Я звоню по номеру Терезы, — сказала Эльза. — *Кто это?*

— *Я — Клара. Её дочь. Я ждала твоего звонка.*

Эльза сжала трубку так сильно, что костяшки побелели.

— *Тереза мертва, — сказала она. — *Её убили. Маноло.*

— *Я знаю, — голос Клары дрогнул. — *Она оставила мне сообщение перед смертью. Она сказала, что ты позвонишь. И она сказала... не езди в маяк. Это ловушка. Рамос знает,*

что ты придешь туда.

Эльза закрыла глаза. Слова Клары пронзили её, как нож.

— *Что мне делать?*

— *Ты должна верить не всем, — сказала Клара. — *Маноло — двойной агент. Он работал на Рамос, но предал и её, и тебя. Он хочет получить твой чип, чтобы продать его мафии. Он использует тебя, чтобы добраться до списка детей. Единственный, кому можно верить — это Хосе, рыбак. Он не тот, кем кажется. Он — бывший командир «Черной волны». Он знает правду.*

Эльза почувствовала, как холод пробегает по спине. Хосе. Тот самый старик, который дал ей воду и куртку. Он сказал, что не задаёт вопросов. Он сказал, что хочет ей добра. Но он — бывший командир «Черной волны».

— *Почему я должна верить тебе?* — спросила она.

— *Потому что у меня нет причин лгать, — ответила Клара. — *Моя мать умерла, защищая тебя. Я хочу, чтобы её смерть была не напрасной.*

Где-то в трубке раздались помехи, и голос Клары затих.

— *Я должна идти, — сказала она. — *Они нашли меня. Будь осторожна.*

Связь оборвалась.

Эльза опустила трубку и посмотрела на Лену. Девушка стояла рядом, скрестив руки, и на лице её застыло выражение недоверия.

— *Кто это был?*

— *Клара. Дочь Терезы. Она сказала, что маяк — ловушка. Что Маноло — двойной агент. Что Хосе — бывший командир «Черной волны». И что он — единственный, кому можно верить.*

Лена рассмеялась — сухо, без радости.

— **Ты снова пытаешься меня обмануть, — сказала она. — Ты ведёшь меня к маяку, где ловушка, и теперь ты говоришь, что нам не надо туда?*

— **Я не знаю, кому верить, — сказала Эльза. — Но если маяк — ловушка, мы пойдём туда и перестреляем их всех.*

Лена уставилась на неё. В глазах её мелькнуло что-то похожее на уважение.

— *Ты такая же безбашенная, какой была я пятнадцать лет назад.*

Она повернулась к машине и открыла дверцу.

— *Садись. Едем дальше.*

Они ехали по серпантину, который вился вдоль побережья. Маяк уже виднелся вдали — белая точка на чёрном фоне скалы. Ветер усиливался, и машину бросало из стороны в сторону. Эльза смотрела на маяк и чувствовала, как внутри неё нарастает холод.

Она думала о Кларе. О её словах. О том, что Хосе — бывший командир «Черной волны». Он сказал, что хочет ей добра. Но он также сказал, что здесь часто находят трупы. Он знал. Он всё знал.

И он дал ей куртку с ключами. Ключами от ячейки, где

лежала фотография и телефон. Откуда он их взял? Кто подложил их в его куртку?

Она закрыла глаза, пытаясь собраться с мыслями, но в голове был только шум.

— *Мы почти на месте, — сказала Лена.

И в этот момент перед ними, за поворотом, вспыхнул свет. Три чёрных внедорожника перекрыли дорогу, их фары били прямо в глаза.

Лена выругалась и вдавила педаль газа в пол.

— *Держись!*

Она направила машину прямо на средний внедорожник. Удар был оглушительным. Металл заскрежетал, стекло разбилось, и Эльза почувствовала, как подушки безопасности выстрелили, сбивая её дыхание.

Мир перевернулся. Она слышала крики, визг шин, выстрелы. Кто-то стрелял — не в них, а в машину, которая только что врезалась в их автомобиль. Она попыталась открыть дверцу, но та заклинило. Она ударила ногой по стеклу, и оно разбилось, осыпаясь градом осколков.

Она выбралась наружу и увидела Лену, лежащую на земле. Её плечо было красным, кровь заливала рукав. Но она была жива.

— *Вставай! — крикнула Эльза, хватая её за руку. — *Бежим!*

Они побежали к скалам, а позади них уже раздавались шаги — тяжёлые, множественные. Выстрелы свистели над их

головами, впиваясь в камень и песок.

Эльза тащила Лену за собой, чувствуя, как силы покидают её. Но она не останавливалась. Она бежала, пока не увидела впереди вход в старую пещеру — тёмный, зияющий проём в скале.

Она втащила Лену внутрь, и они скрылись в темноте.

01:30. Пещера под маяком.

Они сидели в темноте, прижимаясь спинами к влажным камням. Где-то снаружи раздавались крики и лай собак, но они постепенно стихали. Преследователи не вошли в пещеру. Они боялись темноты.

Лена дышала тяжело, её плечо всё ещё кровоточило. Эльза сорвала с себя куртку, разорвала рукав на полосы и начала перевязывать рану, стараясь, чтобы руки не дрожали.

— *Это не очень глубоко, — сказала она. — *Пуля прошла навывлет. Ты потеряла много крови, но будешь жить.*

Лена посмотрела на неё, и в глазах её была благодарность — первая за всё это время.

— *Ты спасла меня.*

— *Ты спасла меня, — ответила Эльза. — *Мы в расчёте.*

Они сидели в тишине, и только где-то вдалеке слышался шум прибоя. Эльза закрыла глаза и попыталась собраться с мыслями. Она знала, что в маяке — лаборатория. Она знала, что там ответы. И она знала, что там ловушка.

Но у неё не было выбора.

— *Лена, — сказала она. — *Я должна идти одна.*

— *Нет, — ответила Лена. — *Мы пойдём вместе.*

— *Ты ранена. Если мы оба пойдём, мы оба умрём. Я отвлеку их, а ты... ты найдёшь Хосе. Ты узнаешь правду.*

Лена хотела возразить, но Эльза перебила её:

— *Ты сказала, что если я лгу — ты убьёшь меня. Я не лгу. Я просто пытаюсь защитить тебя. Как я делала это пятнадцать лет назад.*

Лена замолчала. Потом она медленно кивнула, и в глазах её блеснули слёзы.

— *Если ты не вернёшься, я всё равно найду тебя, — сказала она. — *Даже если мне придётся перевернуть весь мир.*

Эльза улыбнулась. Впервые за долгое время она чувствовала, что у неё есть семья.

Она поднялась и направилась к выходу из пещеры, оставляя Лену в темноте.

Она вышла на берег, и ветер ударил в лицо, солёный и холодный. Маяк стоял на скале, и в его окнах горел свет. Кто-то ждал её там.

Она знала, что идёт в ловушку. Но она также знала, что это — единственный способ узнать правду.

Она поднялась по лестнице, которая вела к маяку, и толкнула дверь.

Она вошла внутрь.

ГЛАВА 8. КРОВЬ НА ПЕСКЕ

Темнота в пещере была абсолютной, и единственным источником света оставался тусклый экран старого телефона, который Эльза держала в дрожащей руке. Лена сидела на камне, прижимая руку к плечу, и её дыхание было прерывистым, поверхностным. Кровь всё ещё сочилась сквозь пальцы, оставляя тёмные следы на её бледной коже.

Эльза опустила руку на колени рядом с ней и начала разрывать свою рубашку на длинные полосы. Ткань была грязной, но чище, чем ничего. Она приложила её к ране Лены, и та зашипела от боли, сжав зубы.

— *Терпи, — сказала Эльза, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — *Пуля прошла навывлет. Кость не задела. Если мы остановим кровь, ты сможешь идти.*

Лена кивнула, но на её лице выступили капли пота. Она сжала свободную руку в кулак, и костяшки её побелели.

— *Я не останусь здесь, — сказала она, когда Эльза закончила перевязывать рану. — *Веди меня. Я не оставляю тебя одну.*

Эльза посмотрела на неё, и в глазах её мелькнула тень улыбки.

— *Ты такая же упрямая, как твоя мать.*

— *Ты говоришь, что ты — моя мать, — сказала Лена, приподнимая бровь. — *Тогда я такая же, как ты.*

Эльза протянула ей руку, помогая подняться. Лена оперлась на неё, и они вместе двинулись вглубь пещеры, туда, где, по словам Карлоса, находился подземный ход к маяку.

Проход был узким и влажным, стены его были покрыты слоем известковых натёков. Они шли в полной темноте, ориентируясь только на слабый свет телефона, который Эльза держала перед собой. Камни хрустели под ногами, и каждый звук отдавался эхом, многократно усиливаясь.

Эльза чувствовала, как силы покидают её. Она не спала больше суток, не ела, и организм начинал сдавать. Но она продолжала идти, потому что знала: если остановится, то уже не встанет.

Они прошли через узкую расселину и оказались в небольшом гроте, где воздух был холоднее, а стены покрыты странными символами — теми же, что были на её кулоне. Перевёрнутая волна и сломанная игла.

— *Мы близко, — прошептала Эльза. — *Лаборатория должна быть где-то здесь.*

Лена остановилась и прислушалась. Где-то впереди, за стеной, слышался гул — низкий, монотонный, похожий на работу генератора.

— *Я слышу, — сказала она. — *Там есть электричество.*

Они двинулись на звук, и вскоре увидели впереди металлическую дверь — тяжёлую, с электронным замком. На двери был тот же символ, что и на кулоне.

Эльза подошла ближе и посмотрела на замок. Он требо-

вал код. Она закрыла глаза и попыталась вспомнить. Цифры пульсировали в голове: 7 14 22 31. Она нажала их на панели, и замок щёлкнул, открываясь.

— *Откуда ты знала код? — спросила Лена, и в голосе её звучало удивление.

— *Я не знаю, — честно ответила Эльза. — *Моё тело помнит больше, чем я сама.*

Она толкнула дверь, и они шагнули внутрь.

Подземная лаборатория

Они оказались в длинном коридоре с белыми стенами, которые светились холодным, болезненным светом. Здесь пахло дезинфекцией и озоном — тем самым запахом, который Эльза помнила из своих видений. Пол был покрыт плиткой, а на потолке висели яркие лампы, которые мерцали, создавая жутковатую атмосферу.

Лена шла, прижимая руку к плечу, но не останавливаясь. Она двигалась осторожно, оглядываясь по сторонам, и её глаза были настороженными, как у хищника.

Эльза шла впереди, и каждая клетка её тела кричала об опасности. Она чувствовала, что здесь, в этих коридорах, скрывается ключ к её прошлому. И возможно, к её будущему.

Они прошли через несколько дверей, которые открывались без усилий, и вошли в комнату, заставленную старой аппаратурой. Мониторы, компьютеры, койки, покрытые белыми простынями. Это была лаборатория. Та самая, кото-

рую она видела в своих галлюцинациях.

И в тот момент, когда Эльза сделала шаг вперёд, мир вокруг неё снова изменился.

Она стояла в центре комнаты, но теперь она не видела стен — видела операционную. Яркий свет бил в глаза, и она лежала на столе, привязанная ремнями. Кто-то в белом халате склонялся над ней, и в руке у него блестела игла.

— *Память заблокирована на восемьдесят семь процентов, — сказал голос, и он был холодным, безразличным. — *Отключаем эмоциональный контур. Это необходимо для протокола.*

Эльза попыталась закричать, но рот был заклеен. Она чувствовала, как игла входит в вену, как холодный металл касается её виска. И снова — крик. Женский крик, разбивающий стекло.

Она упала на колени, чувствуя, как мир рушится вокруг неё. Она сжимала голову руками, и слёзы текли по её щекам.

— *Нет! — закричала она. — *Остановите это!*

Лена опустилась рядом с ней и взяла её за плечи.

— *Эльза! Эльза, посмотри на меня! Это не реально. Ты здесь, со мной. Это просто воспоминания!*

Эльза подняла на неё глаза, и в них был ужас.

— *Я вижу их, Лена. Они делали это со мной. Они стирали меня по кускам.*

— *Я знаю, — сказала Лена, прижимая её к себе. — *Я знаю. Но ты не одна. Я здесь. Ты нужна мне живой. Слы-*

ишь? Ты нужна мне!

Эльза чувствовала тепло её тела, и это тепло было единственным, что удерживало её в реальности. Она обняла Лену в ответ, и слёзы её постепенно стихли.

В этот момент она поняла: Лена начинала верить ей.

Они поднялись, и Эльза подошла к старому компьютеру, который стоял на столе. Экран был тёмным, но она нажала на кнопку питания, и он засветился. Система требовала пароль.

Эльза снова закрыла глаза и позволила пальцам двигаться самостоятельно. Они набрали те же цифры: 7 14 22 31. Система раз блокировалась, и на экране появился список файлов.

Она начала просматривать их, и каждый из них был ударом под дых. Медицинские записи, экспериментальные протоколы, фотографии. И одна папка, которая привлекла её внимание: *«Испытуемая №7 — Эльза Гарсия»*.

Она открыла её и начала читать. Лена стояла рядом, глядя в экран.

«Испытуемая №7. Пол — женский. Возраст — 34 года. Дата первого эксперимента — 15 августа 2011 года. Исходная цель — создать идеального свидетеля, который не помнит травмы. Побочный эффект — потеря личности. Рекомендовано отключени.»

Эльза прокрутила дальше, и глаза её пробежали по строкам, выхватывая ключевые слова:

«Эксперимент продолжен. Личность испытуемой разру-

шена на 87%. Фрагменты памяти заменены искусственными конструктами. Успешность процедуры — 94%».

Она дочитала до конца, и кровь застыла в её жилах. Файл заканчивался текстом, который, казалось, был написан для того, чтобы уничтожить всё, во что она верила:

«Личность разрушена на 94%. Возврат невозможен. Эльза Гарсия не существует. Испытуемая №7 является копией. Искусственно созданной личностью на основе воспоминаний разных людей. Память — фальсифицирована. Личность — конструкт».

Эльза смотрела на экран, и мир вокруг неё рушился. Она чувствовала, как земля уходит из-под ног, как всё, что она знала о себе, было ложью. Она не была Эльзой Гарсией. Она была никем. Собранным по кускам конструктом, созданным для того, чтобы быть идеальным свидетелем.

Она опустила на колени, и слёзы хлынули из её глаз.

— *То есть я — не я? — прошептала она. — *Меня не существует?*

Лена стояла рядом, и на её лице была написана боль.

— *Ты существуешь, — сказала она, и голос её был твёрдым. — *Потому что я здесь. И я не позволю им уничтожить тебя.*

Эльза подняла голову и посмотрела на неё. В глазах Лены была та же решимость, что и у неё самой.

— *Ты — моя мать, — сказала Лена. — *Не по крови. По душе. Ты спасла меня. Ты любила меня. И я люблю тебя.*

Никакие файлы не изменяют этого.

Она протянула руку, и Эльза взяла её, поднимаясь на ноги.

— *Я не знаю, кто я, — сказала Эльза. — *Но я знаю, что я хочу жить.*

— *Мы будем жить, — ответила Лена. — *Вместе.*

Они стояли перед компьютером, когда дверь лаборатории открылась, и в проёме показался силуэт. Маноло.

Он был в чёрном костюме, без ожогов, без седины, и выглядел так же, как на фотографии — молодой и почти красивый. В руке он держал пистолет, направленный прямо на них.

— *Приятно видеть вас обеих, — сказал он, и голос его был холодным, как лёд. — *Я так и знал, что вы приведёте меня к сокровищу.*

Эльза почувствовала, как холод пробегает по её спине. Она встала между Леной и Маноло, заслоняя её собой.

— *Ты предал нас, — сказала она. — *Ты убил Терезу.*

— *Тереза была слабой, — ответил он, делая шаг вперёд. — *Она верила в проект. В ваше спасение. Но я всегда знал, что настоящая ценность — в этом чипе. В твоей голове. Там — список детей. Там — ключ к целой империи.*

Он подошёл ближе, и свет падал на его лицо, делая его ещё более хищным.

— *Ты не помнишь, кто ты, Эльза. Или как тебя там зовут. Но я помню. Ты была моим агентом. Ты работала на*

меня. И ты предала меня, когда решила спасти этих детей. Теперь я верну то, что принадлежит мне по праву.

Лена шагнула вперёд, и в руке её блеснул пистолет, который она держала в другой руке, не обращая внимания на боль в раненом плече.

— *Отойди от неё, — сказала она. — Или я вышибу тебе мозги.

Маноло рассмеялся — холодно, без радости.

— Ты думаешь, я пришёл один? У меня — вся лаборатория. Весь маяк. Я ждал вас. И теперь вы не уйдёте отсюда.

Он поднял руку, и в проёме двери показались тени — двое или трое вооружённых людей в чёрном. Они окружили лабораторию, и пистолеты их были направлены на Лену и Эльзу.

Эльза смотрела на Маноло, и в глазах её горел огонь. Она знала, что у них нет шансов в открытом бою. Но она также знала, что у неё есть оружие, о котором он не догадывается.

Информация. Она видела файлы на компьютере. Она знала, где спрятаны доказательства. И она знала, как уничтожить его.

Она шагнула вперёд, и на лице её появилась улыбка — холодная, хищная.

— *Ты думаешь, что победил, Маноло? — сказала она. — Но ты забыл одну вещь. Я — не та, кем ты меня считаешь. Я — не просто конструктор. Я — та, кто помнит, как уничтожать таких, как ты.

Она вскинула руку, и в ней был нож — тот самый, что

она нашла в подземном убежище. Он блеснул в свете ламп, и Маноло на мгновение отступил.

Но это было лишь на мгновение. Он поднял пистолет и нажал на спуск.

Эльза услышала выстрел, но не почувствовала боли. Она упала на колени, и мир вокруг неё начал расплываться.

Она видела лицо Лены — испуганное, искажённое криком. Она видела Маноло, который стоял над ней с пистолетом в руке. Она слышала голоса — крики, приказы, что-то ещё.

А потом — темнота.

ГЛАВА 9. СДЕЛКА С ДЬЯВОЛОМ

Сознание возвращалось медленно, как вода, просачивающаяся сквозь трещины в камне. Эльза лежала на холодном полу, чувствуя, как боль пульсирует в левом плече — там, куда попала пуля. Она не видела крови, но чувствовала, как ткань рубашки намокает. В ушах стоял звон, и мир вокруг казался размытым, как акварельный рисунок под дождём.

Над ней стоял Маноло. Он держал пистолет, направленный на неё, но не стрелял. Он ждал. Его лицо было спокойным, почти умиротворённым, как у человека, который, наконец, получил то, что хотел.

— *Ты не умрёшь, — сказал он, и голос его был мягким, почти отеческим. — *Ты слишком ценна, чтобы умереть. Твой чип — это ключ к империи, и я не позволю ему исчезнуть вместе с тобой.*

Он опустился на корточки рядом с ней, и его рука коснулась её щеки. Она дёрнулась, но он сжал её подбородок, заставляя смотреть ему в глаза.

— *Я — создатель проекта, Эльза, — сказал он. — *Я оживлял чипы. Я писал протоколы. Я создал тебя. Ты думала, что я — просто хромой бармен из придорожного бара? Нет. Я — твой отец. Не биологический. Духовный. Я сделал тебя из палача в жертву. Ты была идеальным инструментом. И теперь я продам твой чип тому, кто боль-*

ше заплатит.

Эльза смотрела на него, и в груди её закипала ярость. Она попыталась встать, но тело не слушалось. Пуля задела плечевую артерию, и кровь продолжала сочиться, ослабляя её с каждой секундой.

Лена стояла в нескольких метрах, прижав руку к раненому плечу. Её глаза горели ненавистью, но она не двигалась — двое людей Маноло держали её на прицеле.

— *Ты чудовище, — сказала Лена. — *Ты уничтожил её жизнь.*

— *Я создал её жизнь, — ответил Маноло, не оборачиваясь. — *Без меня она была бы никем. Я дал ей цель. Я дал ей миссию. И она провалила её, когда решила спасти детей вместо того, чтобы сдать их.*

Он встал и подошёл к Лене, остановившись в шаге от неё. Его глаза скользнули по её лицу, по ране на плече, по сжатым кулакам.

— *Ты даже не знаешь, кем ты была, — сказал он. — *Ты — дочь судьи Мартинеса. Человека, который продавал детей. Я знал его. Мы работали вместе, пока он не стал слишком жадным. Тогда я убрал его. А ты стала сиротой. И Рамос воспитала тебя как оружие.*

Он улыбнулся, и улыбка его была холодной.

— *Но ты не единственная сирота. Твоя «мать» — тоже сирота. Я создал её из обрывков чужих жизней. Она не знает, кто она. И никогда не узнает.*

Эльза подняла голову, и в глазах её горел огонь. Она оперлась на здоровую руку и медленно поднялась на колени.

— *Ты лжёшь, — сказала она, и голос её был твёрдым, как сталь. — *Я помню детей. Я помню, как спасла их. Ты не можешь забрать это у меня.*

Маноло повернулся к ней, и в глазах его мелькнуло удивление.

— *Ты сильнее, чем я думал. Но сила не поможет тебе, когда я вскрою твой череп и достану чип.*

Он поднял пистолет, наводя его на неё.

— *Прощай, Эльза.*

В то мгновение, когда палец Маноло начал сжиматься на спусковом крючке, Лена рванулась вперёд. Она ударила его плечом в грудь, и он пошатнулся, потеряв равновесие. Пистолет выстрелил, но пуля ушла в потолок, выбив искры из лампы.

Маноло устоял на ногах и схватил Лену за волосы, притягивая к себе. В его руке блеснул нож, и он приставил его к её горлу, прижимая к себе.

— *Если ты тронешься, — сказал он, глядя на Эльзу, — *я убью её прямо на твоих глазах. Как убил твою мать.*

Эльза застыла. Внутри неё что-то оборвалось, а потом включилось. Инстинкт. Тот самый инстинкт, который когда-то сделал её той, кого боялись.

Она не думала. Она просто действовала.

Она схватила стул, стоявший рядом, и с силой ударила

Маноло по голове. Удар пришёлся в висок, и он покачнулся, выпуская Лену. Нож выпал из его руки, и он упал на колени, сжимая голову руками.

Лена отскочила в сторону, тяжело дыша. Она схватила пистолет, который выпал из руки Маноло, и направила его на него.

— *Не двигайся, — сказала она, и голос её был холодным, как лёд.

Эльза стояла над Маноло, сжимая в руках обломки стула. Она тяжело дышала, и плечо её кровоточило, но она не чувствовала боли.

— *Я убью тебя, — сказала она. — *Я убью тебя за всё, что ты сделал.*

Маноло поднял голову, и на его губах появилась кривая улыбка.

— *Ты не сможешь. Ты — не убийца. Ты — спасительница. Это твоё проклятие.*

Эльза оглядела комнату, и её взгляд упал на старый медицинский шкаф, стоявший в углу. Стекло дверца была разбита, но внутри всё ещё стояли ампулы и склянки. Она подошла к нему, не спуская глаз с Маноло, и начала перебирать содержимое.

Ампулы. Разные, с разными маркировками. Но одна привлекла её внимание — она была синей, с надписью: «*Антидот 7. Восстановление памяти. 48 часов*».

Она взяла её и посмотрела на Лену.

— *Это то, что нам нужно.*

Лена нахмурилась:

— *Ты не знаешь, что это. Это может убить тебя.*

— *Я уже мертва, — ответила Эльза. — *Я не знаю, кто я. Я хочу вспомнить. Даже если это убьёт меня.*

Она разломила ампулу и ввела содержимое в вену на руке. Жидкость была холодной, но почти сразу она почувствовала, как тепло разливается по телу. А потом — боль.

Она упала на колени, схватившись за голову. Мир взорвался образами.

Первый визит в лабораторию — она стоит в центре комнаты, и Маноло показывает ей чип. «Это сделает тебя неуязвимой. Ты будешь помнить только то, что нужно».

Операция — она лежит на столе, и свет бьёт в глаза. Игла входит в вену, и она слышит крик — свой собственный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.